

УДК 930. 85

**Деятельность
Г. С. Губайдуллина
по приведению норм
мусульманского права
в соответствие с советским
законодательством
(начало 1920-х гг.)**

А. Р. Мухамадеев,

*Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ,
г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

А. Р. Сафин,

*Казанский филиал Российского
государственного университета
правосудия,
г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

**G. S. Gubaidullin
on the study of the history
of the law of the Tatar people
and bringing the norms of
Muslim law in line with Soviet
legislation (early 1920s)**

A. R. Mukhamadeev,

*Sh. Mardzhani Institute of History,
Academy of Sciences
of Republic of Tatarstan,
Kazan, Republic of Tatarstan,
Russian Federation*

A. R. Safin,

*Kazan branch of the Russian State
University of Justice,
Kazan, Republic of Tatarstan,
Russian Federation*

Аннотация

Статья, подготовленная на основании архивных материалов и соответствующей литературы, имеет своей целью выявить роль и степень деятельности Г. С. Губайдуллина в составе Шариатской комиссии при Народном комиссариате юстиции Татарской Республики в начале 1920-х гг. Учреждение Шариатской комиссии было обусловлено желанием найти компромисс и точки соприкосновения между исламским правом и советскими законами того периода. Анализ работы учреждения показал, что этот видный общественный деятель и ученый являлся активным членом комиссии и ее плодотворным сотрудником. Как человек, знающий исламское право и исторически сложившийся быт татарского народа, он подготовил несколько соответствующих докладов и другие материалы по деятельности комиссии. Выступления касались исторически сложившихся норм права у татарского народа с раннего Средневековья по 1920-е гг., включая кыпчаков, волжских болгар, золотоордынского периода, татарских ханств и более поздних периодов. Как правило, ученый делал акцент на шариатском праве. Указанные материалы были впервые введены в научный оборот автором статьи из фондов Государственного архива Республики Татарстан в их первоначальном виде. Работа Шариатской комиссии фактически не привела к каким-то реальным изменениям в советском законодательстве, что надо считать явлением закономерным. Вместе с тем, несмотря на отсутствие ожидаемых результатов, нельзя отрицать роль комиссии в изучении и выявлении многовековых правовых норм татарского народа. Как сам факт учреждения этой комиссии, так и формы, итоги работы ее членов, получили в советской историографии неоднозначное толкование, как правило, отрицательное. На сегодняшний день ситуация меняется, доклады Г. С. Губайдуллина в составе этой комиссии, как и другие его труды имеют несомненную ценность. Само же учреждение и деятельность Шариатской комиссии можно считать неординарной и смелой инициативой властей Татарской Республики 1920-х гг.

Abstract

The article, written by the author using archival data and literature, aims to identify the role and degree of activity of G. S. Gubaidullina as a member of the Sharia Commission under the People's Commissariat of Justice of the Tatar Republic in the early 1920s. The establishment of the Sharia Commission was determined by

the desire to find a compromise and common ground between Islamic law and Soviet laws of this period. An analysis of the work of the institution showed that this prominent public figure and scientist was an active member of the commission and its fruitful employee. As a person who knows Islamic law and the historically established life of the Tatar people, he prepared several relevant reports and other materials on the activities of the commission. The speeches concerned the historically established norms of law among the Tatar people from the Middle Ages to the 1920s, including the Kipchaks, the Volga Bulgarians, the Golden Horde period, the Tatar khanates and later periods. As a rule, the scholar emphasized Sharia law. These materials were first put into scientific circulation by the author of the article from the funds of the National Archives of the Republic of Tatarstan in their original form. The work of the Sharia Commission did not actually lead to any real changes in Soviet legislation, which should be considered a natural phenomenon. However, despite the lack of expected results, the role of the commission in the study and identification of centuries-old legal norms of the Tatar people cannot be denied. Both the fact of the establishment of this commission, and the forms, the results of the work of its members, received in the Soviet historiography an ambiguous interpretation, as a rule, negative. Today the situation is changing, reports G.S. Gubaidullina as a member of this commission, like his other works, has undoubted value. The very establishment and activities of the Sharia Commission can be considered an extraordinary and bold initiative of the authorities of the Tatar Republic of the 1920s.

Ключевые слова

Г. С. Губайдуллин, Шариатская комиссия, советское законодательство, мусульманское право, татары.

Keywords

G. Gubaidullin, Sharia Commission, Soviet legislation, Muslim law, tatars.

На сегодняшний день биография и деятельность видного татарского общественного деятеля, известного историка и востоковеда, писателя Газиза Салиховича Губайдуллина (1887-1937) изучена довольно подробно. Вместе с тем, остается малоизвестным факт его кропотливой работы по совмещению норм шариатского и советского права, что считалось в 1920-е гг. в Татарстане актуальным вопросом.

В 1922 г. в ТАССР была учреждена Шаригатная комиссия, образованная при Народном комиссариате юстиции республики. Изначально, в документах название этой комиссии обозначалось несколько по-разному: Комиссия по изучению обычного (шаригатного) и советского права¹ или Шаригатная комиссия; Комиссия по изучению обычного шаригатного советского права². Со временем за ней сохранилось название «Шариатская комиссия», в составе которой плодотворно сотрудничал Г. С. Губайдуллин.

Как в названии, так и рабочих текстах комиссии интересно словосочетание «обычного шаригатного права», «обычного мусульманского права» и т. п. Возможно, это было связано с местными представлениями если не о тождественности, то о максимальной близости норм обычного права и мусульманского права. Надо полагать, что окончательное закрепление и широкое распространение норм шариатского права среди поволжских татар, практическое вытеснение и замены норм обычного тюркского права шариатом дали основание учредителям и членам комиссии применять подобное выражение.

В данный период для Татарской республики действительно было актуально некое сочетание этих двух систем права, их взаимодействие. Так, до революционных событий 1917 г. среди зажиточных татар на основе шариатских норм практиковалось многоженство. В этой связи возникали проблемы при разделе или наследовании имущества в полигамных семьях, так как в РСФСР законодательством признавалась только моногамная семья. Также среди большинства татар широко

практиковалась устная форма завещания. В Татарской Республике были и другие особые национальные и бытовые условия, законодательно не урегулированные и требующие принципиального решения³. Решение подобных вопросов требовало и право законодательной инициативы, чтобы иметь возможность вносить определенные изменения.

Комиссия поставила своей целью и задачами изучение и систематизацию мусульманского права с дальнейшим его приспособлением к местным нуждам и условиям, а также согласование его положений с нормами советского права официально действующего на территории Татарстана и внесение соответствующих изменений в установленном порядке в действующие кодексы РСФСР⁴.

В ноябре 1922 г. нарком юстиции ТАССР Г. Богаутдинов предложил расширить рамки работы комиссии, пополнив ее состав русскими юристами и возложить на Шариатскую комиссию, параллельно с изучением шариатского права, задачи по более подробному изучению советского законодательства. Членов комиссии, одновременно являющихся членами Научной коллегии, решено было обеспечить материально. Более того, было принято решение сделать Научную коллегию мусульманским центром научной разработки шариатского права народов Востока в целом. Заседание коллегии Народного комиссариата юстиции ТАССР одобрило предложение о расширении состава Научной коллегии, с вливанием в нее усилий русских ученых-юристов для общей научной разработки основ советского права и по материальному обеспечению Научной коллегии⁵.

В состав комиссии вошли ученые и люди, обладающие обширными юридическими знаниями и знающие исторически сложившийся быт татарского народа. Председателем Комиссии был З. Булушев, секретарем Борисенко, членами: Г. Губайдуллин, С. С. Венецианов, А. Максудов, А. Мустафин, А. Формаковский, Змиев. Шариатская комиссия начала работать плодотворно, только за ноябрь-декабрь 1922 г. состоялось 12 заседаний, на которых было заслушано и обсуждено восемь докладов⁶.

Согласно отчету за февраль 1923 г. были заслушаны следующие доклады членов Шариатской комиссии при Народном комиссариате юстиции ТАССР – два доклада Г. Губайдуллина по истории права, доклад А. Максудова – об уголовном праве по шариату, Змиева – о несовершеннолетних правонарушителях, А. Формаковского – об основных началах шариатского уголовного права и его же объяснительная записка по теме. Все рабочие журналы по уголовной секции были переданы в Совет народных комиссаров ТАССР. В этом же месяце комиссия приступила к работе по секции гражданского права с заслушиванием доклада Венецианова «О наследственном праве РСФСР»⁷.

Часть докладов членов Шариатской комиссии из фондов Государственного архива Республики Татарстан впервые была опубликована в виде приложений к монографии «Шариатская комиссия при Народном комиссариате юстиции (начало 1920-х гг.)»⁸. Соответственно, ссылки по докладам Г. С. Губайдуллина делаются на страницы из указанной монографии. Необходимо отметить и то, что все положения и размышления, приведенные в данной статье на историческую тематику, принадлежат исключительно Г. Губайдуллину.

Один из докладов Г. Губайдуллина, представленных членам комиссии, назывался «Обычное право тюрков и монголов», в котором в основном говорится о Ясе Чингиз-хана. Как объяснял сам ученый, нормы обычного права древних тюрков во всех отношениях очень сходны с нормами обычного права монголов, кодифицированных в Ясе Чингиз-хана. Интересно, что здесь Г. Губайдуллин воспринимает обычное право именно как таковое, а не смешивает его с исламским правом.

В этом докладе Г. Губайдуллин упоминает и о ханах Золотой Орды, которые давали мусульманскому и православному духовенству тарханные ярлыки, освобождающие духовенство от налогов и повинностей. Как объясняет автор, вскоре после покорения «мусульманских земель» и распространения там власти чингизидов, монгольское господствующее меньшинство начинает смешиваться с тюркским большинством, уже задолго до этого принявшим ислам, и отчасти, его право. Следствием этого был постепенный переход монгольского правящего класса в ислам, которому предшествовала «глухая» борьба между Ясой и шариатом. Однако Яса долгое время не теряла своей силы. Создалось господство двух систем права. Как пишет исследователь, компетенция их обоих была определена обычаем. Г. Губайдуллин ссылаясь на Ибн Баттуту пишет об отношении хана Узбека к правосудию и судьям. Несмотря на то, что сам хан был мусульманином, он был довольно лояльным правителем. При нем «дела, подсудные по шариату разбираются кадиями, другие же разбираются эмирами. Последние очевидно судят по Ясе, или обычному праву»⁹.

Для того, чтобы иметь более точное представление о судопроизводстве, о правах судей и значении Ясы, приводится в пример ярлык одного ильханида, правившего в Иране. Из документа делается вывод, что в XIV в. среди монголов и тюрков также функционировали две системы права – Яса и обычное право монголов и тюрков с одной, мусульманское право – с другой стороны. Постепенно, с укреплением ислама, первые уступают место шариату. Однако, в ярлыке Казанского хана XVI в., найденном С. Вахитовым, пишет Г. Губайдуллин, употреблялись две судебных должности – «кадии и судьи»¹⁰. Возможно, что в Казанском ханстве по некоторым вопросам суд производился по обычному праву или Ясе. Тем более, один факт истории Крымского ханства ясно указывает на это. В междоусобице в XVII в., когда хан Адиль-Гирей (1665-1670) был убит, то один из претендентов хотел занять престол по «Торе Чингиза».

Следующий доклад Г. Губайдуллина назывался «История распространения арабского права среди приволжских татар». Известно, пишет автор, что западные или восточные тюрки начали именоваться «татарами» с XIII в., когда кыпчаки или половцы, болгары и другие тюрки, живущие тогда в южнорусских степях, были покорены монголами или татарами. Татары, прибывшие из современной Монголии, принесли с собой в Восточную Европу Ясу Чингиз-хана, составленную на основании обычного права тюрко-монгольских народов. Однако до прибытия монголов в Восточную Европу у половцев, болгар, остатков хазар и других тюрков – составных элементов современных татар, действовало обычное право. Благодаря торговым сношениям с мусульманскими народами среди этих тюрков распространился ислам, вместе с которым «возникло» арабское или шариатское право, как неразрывная часть ислама.

В подтверждение того, что в IX в., в Хазарском каганате было распространено мусульманское право, автор приводит следующую выдержку из труда арабского географа X в. Аль-Масуди: «В ней (т. е. в столице. – Авт.) бывало семь судей, двое из них для мусульман, двое для хазар, которые судят по закону Торы (Пятикнижия), двое для тамошних христиан, которые судят по закону Евангелия, один же для славян, руссов и других язычников, он судит по закону язычества, т.е. по закону разума. Когда же случается великая тяжба, от которой они (судьи) понятия не имеют, то они собираются к мусульманским судьям, доносят им об этом и покоряются решению, необходимому по закону ислама»¹¹. На основании этого Г. Губайдуллин делает однозначный вывод, что Хазарское правительство, несмотря на принадлежность

его членов к иудейской религии, предпочитало исламское право, и «кассационным судом» был суд из двух кадиев, производящих судопроизводство по шариату.

Останавливается Г. Губайдуллин и на истории Волжской Болгарии, где еще в начале X в. был официально принят ислам. Упоминает сообщения арабских авторов (Ибн Фадлан, Йакут, ал-Гарнати) о волжских болгарях, как мусульманах и о наличии среди них богословов, кадиев. Но, по предположению Г. Губайдуллина мусульманское право было в силе только в верхах общества, а в общинах долгое время господствовало обычное право, что было видно из сообщений Ибн Фадлана.

Среди кочевников южнорусских степей домонгольского периода – кыпчаков, тоже постепенно распространилось исламское право. Разбирая единственный письменный источник половцев, продолжает Г. Губайдуллин, мы находим много арабских терминов, среди которых рельефно вырисовываются термины «шариат», «казий», взятые из исламского права. Это объясняется тем, что в конце XII в. наряду с христианством сильно распространяется ислам, с которым и проникло арабское «фикх».

Нашествие монголов на восточноевропейских тюрков на полстолетия задержало распространение арабского права. Монголы принесли с собой законодательный кодекс Чингиз-хана Ясу, который как кодекс обычного права кочевых монголо-тюрков, имел довольно много общего с правом кочевых арабов, но, все же имел немало существенных различий. Поэтому, по мнению Г. Губайдуллина, прошло около полстолетия в борьбе между этими двумя правовыми системами.

Далее доклад продолжался историей ислама в Золотой Орде. Под влиянием торговых сношений с союзным Египтом и другими мусульманскими государствами, хан Берке (1256-1266) принял религию большинства населения, а именно ислам. Уже через 45 лет, в эпоху хана Узбека (1312-1340) ислам стал государственной религией и Яса уступила место шариату. На монетах Узбека имелась обычная подпись халифов «Нет Бога, кроме Бога и Мухаммед пророк его», а хан назывался «султаном правоверных», и к своему языческому имени прибавлял «Мухаммед»¹². Как заметил Г. Губайдуллин, хотя тарханные ярлыки, данные этим ханом русскому духовенству и монастырям, носят чисто монгольский характер, и в них нет и следа монгольского права, в Золотой Орде стало господствовать мусульманское право. В целом, Г. Губайдуллин приводит много свидетельств из источников, в основном по периоду правления хана Узбека, которые указывают на применение шариатских норм при решении спорно-судебных вопросов, применении наказания за преступления, наличие в обществе многочисленных кадиев и исламских правоведов. После Узбека мусульманское право еще сильнее укоренилось среди татар, это явление зависело от распространения ислама.

В Казанском ханстве, писал Г. Губайдуллин, встречаются те же представители шариата. Из сообщений Герберштейна известно о почетном положении сеидов, т. е. потомков пророка, которые в то время были главами всего мусульманского духовенства, которые были в одно и то же время «представителями арабского права». Когда хан встречал сеида, едущего верхом, то хан должен был слезть с лошади, подойти к нему и поцеловать ему руку, а простолюдин имел право целовать только полы его кафтана. Кроме того, русские летописи сообщают случаи, когда во время междоусобиц сеиды заключали мирные договоры с Россией от имени всей Казанской земли. Ярлык Сахиб Гирея также свидетельствует о том, что в Казанском ханстве господствовало исламское право. Документ начинается словами: «Воитель Сахиб Гирей слово и эмиры, и правители, и великий сеид, и казий ислама»¹³.

После падения Казанского ханства официальным правом стало «русское». Однако, предполагает Г. Губайдуллин, татары, подобно башкирам XVIII в. должны были иметь своих судей – кадиев. То значение, которое имело мусульманское духовенство в эпоху восстаний XVI в. указывало на то, что еще в XVI и XVII вв. суд производился по шариату. По причине того, что история татар XVI и XVII вв. мало изучена, и от этой эпохи источников на татарском языке почти не сохранилось и разрешить интересующий вопрос в эту эпоху трудно, ученый оставил этот период без других комментариев.

Историю татар начала XVIII в. Г. Губайдуллин называл историей угнетения Российским правительством, как в материальном, так и в духовном отношениях. Во время господства «Конторы новокрещенных дел» и различных «комиссий» Луки Канашевича, Сечного и других, под влиянием религиозных репрессий и насильственных крещений, уничтожения мечетей и мектебев, у татар появились «религиозные реакции», которые способствовали развитию авторитета мусульманского духовенства. Последнее явление опять усилило значение местных неофициальных судов во главе которых стояли муллы.

Доказательство этого ученый видел в речах и наказах татаро-башкирских депутатов в Екатерининской Законодательной Комиссии 1767 г. Эти депутаты требовали учреждения местных судов с выборными судьями, среди которых должны быть муллы. Г. Губайдуллин приводит в пример указы депутатам Казанского уезда, где написано: «Между нами татарами в касающихся малых делах разобрать нашим муллам и старшинам». Депутаты-татары Пензенского уезда формулировали просьбы так: «Просим, чтобы определить нам, слушать старшину и при нем достойного муллу, для разбирательства, касающихся между нами в малых делах»¹⁴. Депутат от ясачных татар Казанского уезда Сеитов представил проект нового выборного суда. В этом проекте говорится, что в тех случаях, когда судье придется разбирать дела наследственные, по разделу недвижимого и движимого имущества, а также дела, относящиеся к браку, разводу, судье должно предоставляться выборными сторонами двое мулл, с каковыми он должен производить судебное разбирательство.

Все это, констатирует Г. Губайдуллин, доказывает тот факт, что мусульманское право в XVIII в. внедрилось в народную жизнь и «стало даже обычным правом». Здесь видно, что ученый стал называть «обычным» правом то же мусульманское право, но только потому, что оно окончательно укоренилось среди татар. Доклад заканчивается констатацией именного Указа Екатерины II от 1788 г. Правительственному Сенату, которым было учреждено Духовное управление мусульман или муфтият, и что этим актом русское правительство признало шариат действующим правом среди российских мусульман. С этого времени духовное управление мусульман стало не только религиозным центром, но «верховным трибуналом для некоторых судебных дел»¹⁵.

Членами Шариатской комиссии, с участием Г. Губайдуллина, было составлено «Извлечение из уголовного права шариата по суннитско-ханафитскому толку», где были обозначены основные принципы ислама и поведения мусульманина. Здесь же обозначены виды преступлений и проступков, наказаний за них по мусульманскому праву. Конкретно расписаны исторически сложившиеся наказания за убийство, телесные повреждения, клевету и оскорбление, кражу, прелюбодеяние и пьянство (смертная казнь, отсечение руки и ноги, отщипание, бичевание плетью, штраф, арест, лишение права быть свидетелем, освобождение от зяураба).

До определенного времени государственные органы и должностные лица республики проявляли неподдельный интерес к работе по приведению норм

шариатского права в соответствие с действующим советским законодательством. Так, начальник Главного управления милиции НКВД ТАССР, будущий председатель Совета народных комиссаров ТАССР Х. Габидуллин отмечал, что «вопрос о проведении шариатских законов является постоянным вопросом, и долго еще мы будем проводить время в обсуждении этого вопроса»¹⁶.

Деятельность Шариатской комиссии регулярно подвергалась проверкам и анализу. Народный комиссар юстиции Г. Богаутдинов на 2-ом съезде работников юстиции ТАССР (15-18 сентября 1924 г.) отметил, что в вопросах перевода кодексов, а также внесения изменений и дополнений в кодексы вследствие особых национальных и бытовых условий республики отсутствует низовой опыт, по причине чего и была создана данная комиссия. Как утверждал Г. Богаутдинов, в результате ее работы была доказана в Москве необходимость некоторых дополнений к кодексам в связи с бытовыми условиями Татарстана, но для большего успеха здесь требовалась практика работников юстиции на местах, их опыт¹⁷.

Тем не менее, вскоре власти посчитали, что в деятельности Шариатской комиссии необходимости не имеется. Точных сведений о ликвидации этого учреждения, как и мотивированного решения, с указанием причин, обнаружено не было, как и докладов некоторых других членов комиссии (А. Максудов, А. Мустафин и пр.). Очевидно, что такое решение было продиктовано изменением политики государства по отношению к религии.

Таким образом, результаты деятельности Шариатской комиссии, в целом, получили неоднозначную оценку. Исследователи советского периода считали, что работа Комиссии пошла по неправильному пути. Согласно их мнению, многие члены Комиссии преувеличивали влияние ислама и шариата на татарское население, предлагали изменить отдельные статьи советских кодексов и дополнить их новыми положениями, которые не только не способствовали «освобождению сознания незначительной части отсталых татар от консервативных и вредных предрассудков»¹⁸, но и содействовали их широкому, массовому распространению. Считалось, что работа комиссии была, с одной стороны, бесполезна (ибо, по мнению советских партийных деятелей, шариат не имел широкого распространения среди татар), с другой стороны – вредна, так как противоречила укреплению единой социалистической законности и правосознания. Комиссия была ликвидирована якобы с учетом всех этих факторов.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ГА РТ, ф. Р-732, оп. 1, д. 244, л. 276; ф. Р-128, оп. 1, д. 394, л. 24.
2. Венецианов С. С. Деятельность Шариатной комиссии // Вестник Советской юстиции АТССР. – 1923. – № 4. – С. 18.
3. Багаутдинов Ф. Н. Он был первым. Гимаз Богаутдинов. – Казань: Центр инновационных технологий, 2005. – С. 37.
4. Венецианов С. С. Указ. соч. – С. 18.
5. ГА РТ, ф. Р-128, оп. 1, д. 295, л. 163.
6. Хафизов Ш. Развитие Советской государственности татарского народа. – Казань: Тат. книж. изд-во, 1966. – С. 34.
7. ГА РТ, ф. Р-128, оп. 1, д. 394, л. 67-68.
8. Мухамедеев А. Р. Шариатская комиссия при Народном комиссариате юстиции (начало 1920-х гг.). – Казань: Изд-во ДУМ РТ, 2009. – С. 42-100.
9. Там же. – С. 56-57.
10. Там же. – С. 58.
11. Там же. – С. 59.
12. Там же. – С. 61.
13. Там же. – С. 62.

14. Там же. – С. 63.
15. Там же. – С. 63-64.
16. Хабутдинов А. Ю. Роль мусульманской элиты в татарском обществе в 1917-1920-х гг. // Ислам в постсоветском пространстве: история и методологические аспекты исследования. Материалы всероссийской конференции «Ислам в советском и постсоветском пространстве: формы выживания и бытования». – Казань, 2004. – С. 127.
17. Богаутдинов Г. Итоги судебной работы за истекший год (отчет НКЮ и прокуратуры АТССР). Стенографический отчет 2-го съезда работников юстиции ТССР. – Казань: Изд-во НКЮ ТССР. – С. 17-18.
18. Хафизов Ш. Указ. соч. – С. 34.

Список литературы

Багаутдинов Ф. Н. Он был первым. Гимаз Богаутдинов. – Казань: Центр инновационных технологий, 2005. – 139 с.

Богаутдинов Г. Итоги судебной работы за истекший год (отчет НКЮ и прокуратуры АТССР). Стенографический отчет 2-го съезда работников юстиции ТССР. – Казань: Изд-во НКЮ ТССР, 1924. – 142 с.

Венецианов С. С. Деятельность Шаригатной комиссии // Вестник Советской юстиции АТССР. – 1923. – № 4. – С. 18-22.

Ишмухаметов З. А. Социальная роль и эволюция ислама в Татарии (Исторические очерки). – Казань: Тат. книж. изд-во, 1979. – 224 с.

Мухаммадеев А. Р. Шариатская комиссия при Народном комиссариате юстиции (начало 1920-х гг.). – Казань: Изд-во ДУМ РТ, 2009. – 104 с.

Хабутдинов А. Ю. Роль мусульманской элиты в татарском обществе в 1917-1920-х гг. // Ислам в постсоветском пространстве: история и методологические аспекты исследования. Материалы всероссийской конференции «Ислам в советском и постсоветском пространстве: формы выживания и бытования». – Казань, 2004.

Хафизов Ш. Развитие Советской государственности татарского народа. – Казань: Тат. книж. изд-во, 1966. – 222 с.

References

Bagautdinov F. N. *On byl pervym. Gimaz Bogautdinov* [He was the first. Gimaz Bogautdinov]. Kazan: Tsentr innovatsionnykh tekhnologiy publ., 2005, 139 p.

Bogautdinov G. *Itogi sudebnoy raboty za istekshiy god (otchet NKJU i prokuratury ATSSR). Stenograficheskiy otchet 2-go s'yezda rabotnikov yustitsii TSSR* [Results of the judicial work for the past year (report of the NKJ and the prosecution of the Autonomous Soviet Socialist Republic). Verbatim report of the 2nd Congress of Justice Workers of the TSSR]. Kazan: Izd-vo NKJU TSSR publ., 1924, 142 p.

Venetsianov S. S. *Deyatel'nost' Sharigatnoy komissii* [Activities of the Sharia Commission]. IN: *Vestnik Sovetskoy yustitsii ATSSR*, 1923, no. 4, pp. 18-22.

Ishmukhametov Z. A. *Sotsial'naya rol' i evolyutsiya islama v Tatarii (Istoricheskiye ocherki)* [The social role and evolution of Islam in Tatarstan (Historical essays)]. Kazan: Tat. knizh. izd-vo publ., 1979, 224 p.

Mukhamadeyev A. R. *Shariatskaya komissiya pri Narodnom komissariate yustitsii (nachalo 1920-kh gg.)* [The Shariah Commission at the People's Commissariat of Justice (early 1920s)]. Kazan: Izd-vo DUM RT publ., 2009, 104 p.

Khabutdinov A. Yu. *Rol' musul'manskoy elity v tatarskom obshchestve v 1917-1920-kh gg.* [The role of the Muslim elite in Tatar society in the 1917-1920s.]. IN: *Islam v postovetskom prostranstve: istoriya i metodologicheskiye aspekty issledovaniya. Materialy vserossiyskoy konferentsii "Islam v sovetskom i postsovetskom prostranstve: formy vyzhivaniya i bytovaniya"* [Islam v postsovetskom prostranstve: istoriya i metodologicheskiye aspekty issledovaniya. Materialy vserossiyskoy konferentsii [Islam in the post-Soviet space: history and methodological aspects of research]]. Kazan, 2004.

Khafizov Sh. *Razvitiye Sovetskoy gosudarstvennosti tatarskogo naroda* [Development of the Soviet statehood of the Tatar people]. Kazan: Tat. knizh. izd-vo publ., 1966, 222 p.

Сведения об авторах

Мухамадеев Алмаз Раисович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, e-mail: almazrm42@mail.ru

Сафин Артур Рустемович, старший преподаватель кафедры Гражданского процессуального права Казанского филиала Российского государственного университета правосудия, e-mail: artursafin1983@mail.ru

About the authors

Almaz R. Mukhamadeev, Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at Sh. Mardzhani Institute of History Academy of Sciences of Republic of Tatarstan, e-mail: almazrm42@mail.ru

Artur R. Safin, Senior Lecturer at the Department of Civil Procedural Law Kazan branch of the Russian State University of Justice, e-mail: artursafin1983@mail.ru

В редакцию статья поступила 23.01.2024, опубликована:

Мухамадеев А. Р., Сафин А. Р. Деятельность Г. С. Губайдуллина по приведению норм мусульманского права в соответствие с советским законодательством (начало 1920-х гг.) // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2024. – № 1. – С. 35-43.

Submitted on 23.01.2024, published:

Mukhamadeev A. R., Safin A. R. *Dejatel'nost' G. S. Gubajdullina po privedeniju norm musul'manskogo prava v sootvetstvie s sovetским zakonodatel'stvom (nachalo 1920-h gg.)* [G. S. Gubaidullin on the study of the history of the law of the Tatar people and bringing the norms of Muslim law in line with Soviet legislation (early 1920s)]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov* [Echo of centuries], 2024, no. 1, pp. 35-43.